

Ф. В. НИКОЛАИ, А. В. ХАЗИНА

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ И «АФФЕКТИВНЫЙ ПОВОРОТ» ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА

Статья посвящена полемике об «эмоциональном» и «аффективном» повороте в современных гуманитарных исследованиях. Работы ведущих исследователей данного направления – Т. Диксона, П. Стернса, М. Нуссбаум, У. Редди, Б. Массуми и др. – представляют интерес не только сами по себе, но и как попытка преодолеть противопоставление эмоций и рационального мышления путем проработки конкретных социальных и психосоматических механизмов их взаимосвязи. Актуальность такого диалога представляется несомненной как для обновления терминологического и концептуального аппарата истории ментальностей, так и для укрепления общественного интереса к истории в целом. Кроме того, история эмоций и «аффективный поворот» наглядно демонстрируют историчность (и потому неизбежную ограниченность) психологических теорий личности XIX–XX вв. и пытаются обозначить перспективы их развития.

Ключевые слова: история эмоций, аффективный поворот, общественные представления, эмотив.

В одной из своих недавних статей И.М. Савельева с некоторой грустью констатирует всеобщую усталость от индустрии *cultural studies* и многочисленных «поворотов» последних десятилетий, а также фиксирует отсутствие в современной теоретической историографии *сильных теорий*¹. Подобная меланхолия сегодня широко распространена не только в исторической науке, но и в гуманитарных исследованиях в целом. В этих условиях сам разговор об «эмоциональном» или «аффективном» поворотах² (сторонники которых иногда даже называют их «революцией»³), казалось бы, заранее обречен на неудачу.

Данную статью не следует воспринимать как рекламу некоей новой *сильной программы* в англо-американских *cultural studies*, – скорее она посвящена одной из попыток преодоления замкнутой на теоретический дискурс меланхолии. История эмоций и аффективный поворот важны здесь не сами по себе (как очередной пример историографических «инноваций»), но как одно из возможных и действенных средств возобновления нашего общего интереса к истории.

---

¹ Савельева 2012. С. 43.

² The Affective Turn...; Plamper 2010; Винницкий 2012; Politics and the Emotions...; etc.

³ Reddy 2004. P. ix–xi.

История эмоций: переосмысливая базовые понятия

В последнее время проблематика эмоций становится темой обсуждения на многих конференциях: «Эмоции и исторические изменения в Европе до Нового времени (1100–1800)» в Мельбурне (2011); «Блуждающие ощущения: передача эмоций в долгом XIX в.» (2011) и «Эмоции, здоровье и благополучие» (2012) в Лондоне и т.д. В 2007 г. под руководством профессора Джорджтаунского университета Дж. Паррота создано Международное общество исследования эмоций (International Society for Research on Emotion). С 2009 г. в Беркли издается журнал «Emotion Review». Во многих университетах разрабатываются учебные курсы по данной проблематике: «Эмоции и власть в средние века» Р. Бартона; «Культурная политика и поэтика эмоций» К. Вудварт; «Эмоции: сравнительная история» К. Кеннеди; «Эмоции и политическая теория» Р. Кингстон; «История эмоций» У. Редди и т.д. Издаются десятки как теоретических, так и собственно исторических работ⁴. В отечественной литературе выходят пока лишь отдельные статьи, посвященные эмоциям в истории – Л.В. Нургалиевой, Е.Е. Савицкого, И.Е. Сироткиной, Ю.Ю. Хмелевской и др.⁵

Как утверждают П. Стернс и Я. Льюис, история эмоций возникла в середине 1980-х гг. на стыке психоистории (гораздо более популярной в США, чем в Европе), социальной психологии, истории ментальностей и новой культурной истории⁶. Огромную роль в ее формировании сыграли и гендерные исследования⁷. Казалось бы, перечисленные течения уже давно в той или иной степени работают с проблематикой эмоций. В чем же состоит новизна и методологическая программа нового течения? Как оно определяет свои базовые понятия? Насколько оправдана столь масштабная интервенция историков в сферу социальной психологии (и наоборот)?

Говоря о специфике данного методологического подхода, директор центра истории эмоций в колледже Queen Mary лондонского университета и редактор книжной серии «История эмоций» в Oxford University Press Томас Диксон подчеркивает, что распространенное сегодня противопоставление разума и эмоций – всего лишь недавнее изобретение. Еще 200 лет назад единой концепции эмоций не суще-

---

⁴ Oatley 2004; Rosenwein 2006; Handbook of Emotions...; Eustace 2008; Emotions in American History...; etc. Неплохая библиография исследований эмоций представлена в работе Т. Диксона: Dixon 2003.

⁵ Нургалиева 2013; Хмелевская 2011; Савицкий 2005; Сироткина 2009; и др.

⁶ An Emotional History... P. 3.

⁷ Cvetkovich 2003; Ahmed 2004; etc.

ствовало: до начала XIX века в англоязычном мире преобладало христианское понимание *страстей* [passions], которое активно оспаривали просвещенческая трактовка *сентиментов* [sentiments] и *привязанностей* [affections], а также секулярная «прото-бихевиористская» наука⁸. Эта борьба трех совершенно разных дискурсов носила достаточно противоречивый характер. Диксон выступает категорически против идеи линейного прогресса и поступательной секуляризации: речь идет в равной мере о замещении и частичной апроприации базовых установок христианской концепции страстей психологической наукой модерна, которая добилась преобладания лишь во второй половине XIX века⁹. Более того, «теологический и философский дискурсы о душе и духе/разуме [mind] не исчезли – они не были полностью вытеснены или стерты»¹⁰. В ходе этой борьбы позитивистской психологией был сконструирован специфический «сплав» или спектр аксиом: сексуальное желание и ревность, ужас и жестокость, чувство прекрасного и стремление к справедливости, искренность и деликатность провозглашались однородными явлениями именно в качестве эмоций. «Именно отход от традиционного понимания страстей (а не влияние этих взглядов) привел к созданию категории эмоций, воспринимаемых как оппозиция разуму, интеллекту и воле»¹¹.

Критика позитивистской психологии эмоций у Диксона предполагает отказ от монизма и возвращение к идее гетерогенности мен-

---

⁸ «Христианская теология рассматривала склонности, страсти и привязанности [appetites, passions and affections] как движения воли и интеллекта реально существующей души. [Господство] страстей являлось знаком или симптомом непокорства падшей души, тогда как привязанности казались просвещенным движением целесообразной воли. Привязанность и милосердие воспринимались как движения души, сопряченной Святому Духу. В центре спектра находились принципиально 'атеологические' взгляды Просвещения – наполовину морального, наполовину духовного знания, в котором страсти и привязанности оказывались автономными компонентами сотворенной по божественному замыслу человеческой машины. Они воспринимались как самостоятельные агенты, а не посредники; как движущая сила, а не как движение или перемещение; как режим восприятия, а не как отдельные действия. Преобладающей методологией при этом была индуктивистская интроспекция своего собственного сознания/духа [mind]. На секулярном конце спектра были нейрофизиологический редукционизм, эволюционизм и прото-бихевиористское понимание эмоций». – Dixon 2003. P. 233.

⁹ Символом победы позитивизма, по мнению Диксона, стала публикация «О выражении эмоций у человека и животных» Ч. Дарвина (1872) и «Что такое эмоция?» У. Джемса (1884).

¹⁰ Dixon 2003. P. 21.

¹¹ Ibid. P. 3.

тальных состояний¹². Впрочем, на первом плане для него оказывается не онтологическая проблематика (гетерогенность самой психики), но гносеологические моменты (неоднородность дискурса). Диксон выступает за разграничение и размежевание понятий (эмоций, страстей, привязанностей), собранных вместе позитивистской психологией.

Несколько в ином ключе история эмоций интересует Питера Стернса – профессора университета Джорджа Мейсона, редактора «Журнала социальной истории» и основателя книжной серии «История эмоций» в New York University Press, автора огромного числа работ по всеобщей и американской истории, истории детства и исследований эмоций. Показательным примером в этом отношении может выступать его работа «Американский страх: причины и последствия повышенной тревожности» (2006)¹³. Стернс рассматривает страх как «весьма изменчивую социальную эмоцию – часто инфицирующую [affecting] групповое поведение и социальную политику, но столь же часто являющуюся именно индивидуальным опытом»¹⁴. На материале «красных рейдов» в США начала 1920-х гг., кампании маккартизма, кубинского кризиса, событий 9/11 и последующей войны с террором Стернс рассматривает длительный процесс качественной трансформации широкого спектра эмоций, связанных со страхом. Исследователь обращает внимание на два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, исчезновение страха в детской литературе¹⁵ и в процессе воспитания¹⁶, и, с другой стороны –

---

¹² С этой точки зрения, само понятие «эмоциональных сообществ», предлагаемое Б. Розенвейн применительно к раннему средневековью (Rosenwein 2006), представляется излишне презентистским.

¹³ Проблематика страха весьма популярна среди сторонников истории эмоций. См.: Weart 1988; Glassner 1999; Siegel 2005; Bourke 2006; Gardner 2009; etc.

¹⁴ Stearns 2006. P. 4.

¹⁵ Например, исчезновение страшных «волшебных сказок» в XX в. и замена их комиксами, герои которых не знают страха, но воплощают суперсилу, всегда побеждающую без какой-либо эмоциональной борьбы. Ibid. P. 105.

¹⁶ Еще в первой половине XX в. риск в ходе воспитания был социально приемлемым явлением (опасные приключения в духе Тома Сойера или мальчишеские проделки в детских лагерях, куда родители не боялись отправлять детей). Современные же американцы ни в коем случае не хотят подвергать детей неоправданному риску. Вопросы, связанные раньше с индивидуальными спорами и конфликтами, переместились теперь в сферу гражданского права и т.д. Кульминацией этой тенденции Стернс считает специфическое развитие детской психиатрии, которая в массовом порядке использует антидепрессанты и нейролептики (например, риталин) для «успокоения» детей. «Мы все чаще используем медицинские препараты в отношении детей, с которыми трудно справиться... Мы хотим успокоить детей, и там, где правила не срабатывают, мы даем седативные средства». Ibid. P. 119.

значительном усилении страха в мире взрослых – в СМИ и рекламе (истерия вокруг «птичьего гриппа» и т.п.), появление новых жанров искусства (хоррор, триллер, фильмы-катастрофы), государственной внешней политике (образ врага и т.д.). Кроме того, Стернс подчеркивает значимость демографического фактора: снижение детской смертности в XX в. и значительное удлинение среднего возраста жизни вместе с изменениями ритуалов траура сделали смерть более редким и потому более страшным [травмирующим] феноменом¹⁷.

Иллюстрируя свой тезис о широком распространении страха в общем контексте трансформации эмоций (росте зависти и чувства вины, снижении ревности и т.д.), Стернс подробно сравнивает реакцию общественного мнения США на Перл-Харбор и на теракты 11 сентября 2001 г. В интервью и опросах декабря 1941 г. страх фактически отсутствует (или люди его не показывают) – они с оптимизмом записываются в армию, веря в победу, и выражают обеспокоенность скорее ценами и бытовыми трудностями. События же 9/11 вызвали в США всеобщий страх и панику, которые люди выражают открыто, и объектом которых выступают не нация, не цены или бизнес, но, в первую очередь, жизнь близких. «Природа страха изменилась», – делает вывод Стернс¹⁸.

Аналогичным образом в других своих работах он прослеживает изменение ревности, гнева и специфического американского эмоционального стандарта «cool»¹⁹. Выступая против широко распространенного противопоставления викторианской чопорности, для которой, якобы, характерны репрессия сексуальности, активное использование стыда и дисциплины в воспитании, тотальный контроль эмоций²⁰, и «полной свободы выражения эмоций» в конце XX в., Стернс показывает сложные трансформации стандартов воспитания и поведения, связанные с общими социальными изменениями: активной урбанизацией, демографическими изменениями семьи, ростом среднего класса с его специфическим этосом, развитием консьюмеризма, реформами институтов воспитания, изменением скорости и интенсивности контактов в современном обществе. По его мнению, следует говорить скорее о замещении (активном использовании и перекодировании многих его стандартов) викторианства в XX в., а не о разрыве с ним, о формировании новой нормативности в сфере эмоций, а не полной свободы.

---

¹⁷ Ibid. P. 83.

¹⁸ Ibid. P. 34.

¹⁹ Stearns C.Z., Stearns P.N. 1986; Stearns 1989; 1994; 1999; 2003.

²⁰ И в этом смысле вся позитивистская наука для Стернса неразрывно связана с викторианской идеей о разделении эмоций и рациональности. Stearns 1994. P. 18.

Таким образом, для Стернса история эмоций – это, прежде всего, история социальных ритуалов и практик в духе Ф. Ариеса и Н. Элиаса. В отличие от Диксона, дискурсивные различия понятий его не очень интересуют. И в равной степени для обоих исследователей проблематична попытка понять или описать эмоции «изнутри». Их анализ идет «снаружи» – с позиций социальной и гносеологической критики. Лишь изредка Диксон и Стернс обращаются к проблемам субъективной вовлеченности исследователя – вспоминают свое собственное детство, пытаются лично описать страхи холодной войны или передать важность *sensus communis*, критикуют массовую истерию войны с террором и прагматику современной буржуазной культуры.

Существенно отличается в этом отношении подход профессора Чикагского университета Марты Нуссбаум. В своих работах «Терапия желания: теория и практика в эллинистической этике» (1994), «Буря мыслей: о разумности эмоций» [*Uprheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*] (2001), «Скрытое от человечества: отвращение, стыд и закон» (2004) она стремится анализировать эмоции изнутри – исходя из их логики и тех ценностей, к которым они апеллируют²¹. Принципиальным условием такого подхода является глубокая убежденность Нуссбаум в «разумности эмоций», работающих на уровне ценностных и этических суждений. Они всегда имеют объект, и в этом смысле они интенциональны и интеллигибельны²². Даже такие, казалось бы, предельно личностные ощущения, как отвращение и стыд, Нуссбаум рассматривает как полуосознанные эффекты этической концепции субъекта, результатом чего оказывается их неизбежное (и необходимое) нормативное использование в юридической сфере²³. Эта нормативность оказывается возможной ввиду сравнимости эмоций, которые могут быть истинны или ложны в своем соответствии (или несоответствии) с ценностями и убеждениями субъекта²⁴.

Таким образом, трактовка эмоций у М. Нуссбаум существенно отличается от социального конструктивизма П. Стернса и акцента на истории понятий Т. Диксона. Не менее существенны отличия от указанных подходов позиции Уильяма Редди – очень известного и широ-

---

²¹ Nussbaum 2003; 2004; 2009.

²² Nussbaum 2003. P. 27.

²³ Напрашиваются любопытные сравнения такой трактовки вины и отвращения у Нуссбаум с их трактовкой у Ю. Кристевой. *Кристева*. 2003; *Revolt, Affect, Collectivity...* Проблематика стыда и вины в целом очень популярна в последние годы. Например, см.: Leys. 2007; *Вина и позор...*

²⁴ Nussbaum 2004. P. 29-31.

ко цитируемого профессора истории и культурной антропологии Duke University, редактора книжной серии «Palgrave Studies in the History of Emotions», ученика Джоанн Скотт и Клиффорда Гирца. Упоминание учителей важно для характеристики не только широты исследовательских интересов Редди, занимающегося Францией XVIII–XIX вв. и ранним средневековьем, этнографией и антропологией, проблемами методологии истории и т.д.²⁵, но и для понимания специфики его теоретической позиции.

Свой проект истории эмоций Редди начинает с критики физикализма когнитивных психологов, настаивающих на универсальности человеческой природы и эмоций. С другой стороны, по его мнению, постструктурализм преувеличивает роль социальных отношений знания-власти, нивелируя самостоятельность субъекта, его возможность сопротивляться и менять культурные коды. Постструктурализм с его приматом означающего не позволяет добраться до означаемого — выйти из гносеологической тюрьмы языка на онтологический уровень. «Эмоциональная речь и эмоциональные жесты не очень вписываются в понятие ‘дискурса’ постструктуралистской теории Фуко или концепцию ‘практик’ Бурдьё, Гидденса и др. Эти понятия не схватывают двусторонний характер эмоциональных высказываний и действий — их уникальную способность менять свой референт, — то, что они ‘репрезентируют’. Способность, которая делает их ни ‘констативными’, ни ‘перформативными’ высказываниями, но неким совершенно особым типом коммуникативного акта, который пока не получил адекватной теоретической формулировки»²⁶.

Редди утверждает, что эмоции не являются ни чисто биологическим, ни чисто культурным явлением; они требуют особого, специфического подхода. Пытаясь выйти за рамки лингвистического поворота и структуралистской философии языка с ее разделением на констативные и перформативные высказывания, он рассматривает выражение эмоций как специфический класс высказываний – *эмотив*. Его спецификой является интенсификация эмоций – их усиление в ходе высказывания. «Остин утверждал, что перформатив не может рассматриваться в категориях истинно/ложно, – он лишь эффективен или неэффективен (“удачен” или “неудачен” в его терминологии). Так же и эмотив не является истинным или ложным. Кроме того, он всегда оказывается неадекватным или проваливается [fail] как описание вви-

---

²⁵ См.: Reddy 1987; 1997; 2012.

²⁶ Reddy 1997. P. 327.

ду сложности субъективных состояний, которые он описывает, и ввиду того, что сам оказывает на эти состояния воздействие в процессе поиска формулировок и собственно высказывания»²⁷. В этом смысле эмотив является не нейтральной репрезентацией, но активной практикой выражения и изменения собственных эмоций, управления ими.

Способы или режимы этого управления в значительной степени историчны. Специфическую конфигурацию эмоций Редди называет *эмоциональным режимом*: «Эмоциональный режим – это набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов: необходимая основа любого стабильного политического режима»²⁸. Важно отметить, что подобные режимы сравнимы между собой по степени эмоциональной свободы и искренности, с которой человек может выражать свои эмоции в обществе. С этой точки зрения, деликатность для французского общества второй половины XVIII – начала XIX в. – одновременно внутренняя и глубоко личная эмоция, но в равной степени и стиль социального поведения – режим координации своих собственных и общественных интересов.

Таким образом, у Редди на первый план в истории эмоций выходит проблема лингвистического инструментария (не сводимая к аналитической истории понятий). Однако, в отличие от Диксона, для него этот инструментарий должен формироваться «изнутри» – исходя из признания субъективного опыта эмоциональной вовлеченности, который, впрочем, сравним с опытом других. Важно отметить, что эмотивы и эмоциональные режимы у Редди оказываются ровно посередине между персональным и социальным уровнем – это одновременно и социальная установка, и проявление подлинно личных эмоций.

Различия в теоретических позициях Т. Диксона, П. Стернса, М. Нусбаум и У. Редди представляются весьма существенными. Так что предметное поле истории эмоций оказывается скорее широкими дискурсивными рамками, а не четким ядром *сильной программы*.

Аффективный поворот

Гипотетически на статус такой *сильной программы* с чуть большим успехом может претендовать так называемый «аффективный поворот», о котором в 2000-е гг. стали говорить как сторонники истории эмоций, так и представители более широких кругов *cultural studies*. К.Р. Ширер и Б. Массуми даже провозгласили аффект «центральным понятием со-

---

²⁷ Reddy 2004. P. 108.

²⁸ Ibid. P. 129.

временной политической теории»²⁹. В университетах и за их стенами появилось множество академических курсов и семинаров, посвященных теории аффекта: «Аффект, террор, биополитика» Д. Пуэра; «Теория аффекта» М. Ротберга; «Политика аффекта и воображение повседневного сопротивления» Дж.З. Братича и С. Шукайтис; «Чувства и медиа: теория аффекта и исследования медиа» К.А. Риншлер и т.д.

Что же включается в понятие аффекта? Насколько оно едино? Выходит ли эта проблематика за рамки истории эмоций или легко апроприруется данным предметным полем?

В широкой трактовке исследования аффекта не менее (если не более) гетерогенны и разнонаправленны, чем история эмоций. Р. Нойман и его коллеги насчитывают 23 различных теории аффекта³⁰. В историко-философском плане это понятие интересует, прежде всего, исследователей сенсуализма XVII века и сентиментализма XVIII века³¹. В совершенно ином ключе с ним работают психобиология дифференциальных аффектов С. Томкинса, социальная психология Ив Седжвик и мимическая концепция П. Экмана, делающие акцент на физиологические механизмы формирования эмоций³². Принципиальное значение полемика об аффекте имеет для современных теоретиков искусства (особенно перформанса³³). Вызывает интерес она и у исследователей исторической реконструкции [reenactment], выходящих на проблемы темпорального измерения аффекта как ре-актуализации и неосознанного повторения прошлого³⁴.

Как видно из этого краткого перечисления, здесь также идет полемика между физикализмом и социальным конструктивизмом. Однако, в отличие от истории эмоций, позиции последнего оказываются гораздо слабее. Чаще всего «аффективный поворот» стремится преодолеть эту оппозицию путем соединения постклассического психоанализа в иссле-

---

²⁹ Massumi 2002. P. 27; Scherer 2007. P. 314.

³⁰ Neuman, Marcus, Crigler, Mackuen 2007. P. 6.

³¹ И в таком виде оно полностью укладывается в рамки истории эмоций. Разве что источниками здесь выступают, прежде всего, философские тексты Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы, И. Канта и т.д. См.: James 1997.

³² Например, Экман на основании многочисленных экспериментов доказывает, что лицевые мышцы неосознанно передают аффект, улавливаемый универсально – вне зависимости от культурной принадлежности (Ekman 2007). Внятный анализ и последовательная критика подобного рода физикализма представлены в работах Р. Лейз. См.: Leys 2011.

³³ См., напр.: Thompson 2009; Apel 2012.

³⁴ Historical Reenactment. 2010.

дованиях культуры и философии имманентизма Ж. Делеза³⁵. Одна из наиболее известных попыток преодоления этой оппозиции принадлежит профессору Флоридского Атлантического университета Терезе Бреннан. В своей последней (изданной посмертно) работе она прослеживает психосоматические механизмы взаимосвязи аффекта с эмоциями и ощущениями, равно как и с разумом, а также социальными отношениями. По ее мнению, психосоматический аффект всегда влияет на суждение: «Под аффектом я подразумеваю психологический сдвиг [shift], сопровождающий суждение»³⁶. Основанием этого влияния становится для Бреннан «разумность тела» [bodily intelligence], язык которого можно до определенной степени рассматривать по аналогии с остальными языками³⁷. Но высказывание всегда имеет адресата – так язык (в том числе, язык тела) становится социальным медиумом.

С другой стороны, аффект не принадлежит одному человеку – он всегда является реакцией на внешнее воздействие или отношением к другому (в лакановском смысле). И здесь Бреннан подчеркивает процесс интернализации аффекта: «Я использую понятие “передачи аффекта” для процесса, социального по своему происхождению, но имеющему психологические и физиологические последствия. Источником передаваемого аффекта является общество: он не просто возникает внутри отдельного человека, но в равной степени приходит извне»³⁸. Для Бреннан бессмысленно спорить, принадлежит ли аффект в большей степени Я или Другому, субъективен он или социален. Из этого замкнутого в гносеологическом плане круга она пытается выйти на онтологический уровень. Называя свою модель «новой парадигмой», Бреннан стремится увязать между собой психоанализ, биохимию мозга, эмоции, когнитивную сферу и социальные отношения. Но ее монография лишь обозначила гипотезу и наметила первые шаги в ее разработке, не дав детально проработанной картины механизмов взаимосвязи этих сфер.

---

³⁵ Напомним, что понимание аффекта в этих двух интеллектуальных традициях существенно различается: если последователи Фрейда и Лакана неразрывно связывали влечения, эмоции и аффект, то для Делеза было принципиально важно их разделить – перенести акцент на материальность взаимодействия тела и духа, проявляющуюся в аффекте (см., например, его трактовку стыда у Лоуренса Аравийского. Делез 2002. С. 155-169). Однако, в отличие от позиции Нуссбаум, в обеих этих традициях не эмоции и аффекты зависят от рациональных и ценностных суждений, но наоборот – они сами влияют на рациональное мышление и трансформируют его.

³⁶ Brennan 2004. P. 4.

³⁷ Ibid. 141.

³⁸ Ibid. P. 3.

Многие последователи Делеза обращаются к проблематике психо-социальных связей в близком ключе³⁹. Наибольший интерес в этом плане представляют современные исследования биополитики. Так, профессор Брайан Массуми из Монреаля в работе, посвященной страху как главному продукту попкультуры и основе современной политики, подчеркивает «материальность тела – главного объекта технологии страха, понимаемой как аппарат власти, инкорпорирующий в тело обычаи, предрасположенности и совместные эмоции (в частности, ненависть, способствующую установлению социальных границ, поддержанию иерархий и увековечиванию господства)»⁴⁰. Именно тело, по его мнению, становится основной целью манипуляций современной политики, главным ресурсом постфордистской экономики, ключевым фетишем культуры потребления. В этих условиях страх и предложение комфорта оказываются не просто нейтральным медиумом, который на расстоянии манипулирует телом Другого (превращающегося в марионетку), но средством интернализации и ее результатом одновременно. Этот разделяемый аффект оказывается и действием, и состоянием⁴¹. «Власть не является всего лишь формой. Она не абстрактна. Это движение [и вторжение] формы в содержание, <...> абстрактного в конкретное, без которого оно не может существовать. Это перевод родовой идентичности в идентичность персональную, вне актуализации которой ее не существует; человечества – в личность. Это не форма, но механизм формирования; не бытие, но становление»⁴².

Парадигматическим примером этой аффективной политики для Массуми становится Р. Рейган, у которого не было четкой политической программы; его действия часто противоречили друг другу; электорат видел его многочисленные промахи как плохого актера, что становилось предметом популярных анекдотов. Почему же, несмотря на все это, за него голосовали? По мнению Массуми, Рейган стал «первым постмодернистским политиком»: «Рейган преуспел как политик благодаря способности производить идеологический эффект неидеологическими средствами. <...> Эти средства были аффективными»⁴³. Ему была безразлична идеология и психологическая эмпатия. Его харизма работала на другом – аффективном, неосознанном, телесном –

---

³⁹ Например, см.: The Affect Effect...

⁴⁰ Politics of Everyday Fear... P. viii.

⁴¹ Напомним, что в английском языке слово *affect* может выступать и существительным, и глаголом.

⁴² Massumi 1993. P. 21.

⁴³ Ibid. P. 40.

уровне, отличном от логического и эмоционального. Основой его самоуверенности и образцом для подражания становились собственные кинороли — клишированные позы, каждый раз наполняемые заново энергией аффекта, саспенсом, которые срабатывали на уровне автоматического узнавания и мимесиса. Здоровый, глянцевоый, «самоуверенный и туповатый актер», Рейган «политизировал власть мима»: сила его воздействия была в отдельных действиях — разрезанных на куски и воспроизведенных образах, каждый из которых становится беньяминовской «монадой»⁴⁴.

Истоки подобной политэкономии аффекта в западном обществе Массуми возводит к Дж.М. Кейнсу, экономические идеи которого сформировались как ответ на политический кризис или «революционный подъем» 1917–23 гг. и мировой экономической кризис 1929–33 гг. С этой точки зрения, кейнсианство не просто стимулировало спрос и ограничивало предложение, оно превратило внешние угрозы капиталистической системе в ее внутренний импульс развития. Следующим принципиальным шагом подобной интернализации стали выросшие на волне социальных протестов 1968 г. и экономического кризиса 1973 г. политика консьюмеризма, индустрия визуальной имажинерии и гиперпрофилированное распространение потребительского кредита. Важно подчеркнуть, что в центре этой политэкономии впервые оказалось само тело потребителя — его физическая привлекательность, здоровье, репродуктивные функции, сензитивность и т.д. «Бытие становится прибавочной стоимостью — капиталистическим выражением виртуального»⁴⁵.

В этих условиях, как справедливо отмечает Массуми, существенно меняются задачи социальной критики и гуманитарного знания в целом. Отстраненная модернистская критика в духе Т. Адорно (презиравшего джаз и культуриндіустрию Голливуда), в изменившихся условиях не срабатывает. И полемика об аффекте как раз призвана выйти на новый уровень — не отвлеченного анализа бессознательного, но активной работы с феноменами предсознательного и до-социального, которые не полностью вписываются в схемы сигнификации.

Таким образом, пока вряд ли оправданно рассматривать позицию Т. Бреннан или Б. Массуми как полностью сложившуюся и оригинальную *сильную программу*. Как отмечает К. Хеммингс, «фактически Массуми пропагандирует некую новую позицию, а не метод, позицию веры в нечто не сводимое к социальному или культурному; веры в чу-

---

⁴⁴ Ibid. P. 43.

⁴⁵ Ibid. P. 17.

до, которое может возникнуть, если мы откажемся от прагматического негативизма»⁴⁶. Пока аффект – это скорее «зонтичное понятие», нуждающееся в уточнении. Оптимисты считают, что речь идет о «пред-парадигматической» ситуации⁴⁷. Скептики полагают, что это всего лишь новая догма: «Единой обобщающей теории аффекта пока нет и, к счастью, никогда не будет»⁴⁸. Однако сама логика этой позиции представляется достаточно продуктивной.

В разной форме и в отношении разных сюжетов она присутствует в работах А. Столер, С. Томпсона, П. Хоггета и др.⁴⁹ При всем различии трактовок, понятие аффекта для них становится орудием критики постструктурализма и деконструкции — тотальной увлеченности cultural studies социальным конструктивизмом⁵⁰. «Теоретики аффекта утверждают, что конструктивистские модели упускают [некий важный] избыток или остаток, который не производится социально и который составляет самую ткань нашего бытия»⁵¹. Как и Т. Диксон, У. Редди, П. Стернс, последователи «аффективного поворота» стремятся преодолеть противопоставление эмоций и рационального мышления путем проработки конкретных психосоматических механизмов их взаимосвязи: «Чувства не противостоят политической рациональности, но являются одновременно ее модальностями и следами»⁵².

***

Суммируя, можно утверждать, что история эмоций и аффективный поворот сегодня вовлекаются во все более активный и продуктивный диалог. По-отдельности представляя собой лишь широкое предметное поле (где преобладает социальный конструктивизм) и набор не проверенных пока гипотез (с креном в физикализм), вместе они вполне способны создать оригинальную теоретическую программу, выходящую за рамки преобладающих до сих пор в исследованиях культуры оппозиций репрезентируемости памяти / нерепрезентируемости травмы; непосредственности опыта / всеобщей медийности; констативного языка / речи перформатива. Различие первоначальных установок – акцент истории

---

⁴⁶ Hemmings 2005. P. 563.

⁴⁷ Neuman, Marcus, Crigler, Mackuen 2007. P. 6.

⁴⁸ Seigworth, Gregg 2010. P. 3.

⁴⁹ The Affect Effect...; Stoler 2009; Hoggett, Thompson 2012; etc.

⁵⁰ Автор самого термина «аффективный поворот» П. Клаф настаивает, что главной причиной его появления стало недовольство «смертью субъекта» в постструктуралистском дискурсе. – Clough 2010. P. 206.

⁵¹ Hemmings 2005. P. 548-549.

⁵² Stoler 2009. P. 40.

эмоций на гносеологическую проблематику и важность онтологии для аффективного поворота – в этом контексте оказывается вполне продуктивным, не позволяя стереть одну из частей отмеченных оппозиций.

Вряд ли подобный диалог будет легким. Его результаты могут иметь ограниченную валидность, будучи более актуальными для истории новейшего времени и менее значимыми для исследований античности. Но сама проблема вовлеченности исследователя, взаимосвязи разума и эмоций и выхода за рамки бинарных оппозиций представляется предельно актуальной.

И, наконец, предельно важным аспектом истории эмоций и исследований аффекта является осознанное вовлечение аудитории в диалог через признание важности рассматриваемых проблем для каждого рядового человека, испытывающего (и делящего с другими) любовь и страх, ревность и желание, траур и привязанность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 256 p.
- An Emotional History of the United States / Ed. by P.N. Stearns and J. Lewis. N.Y., L.: New York University Press, 1998. 486 p.
- Apel D.* War Culture and the Contest of Images. Rutgers University Press, 2012. 273 p.
- Berlant L.* Compassion: The Culture and Politics of an Emotion. N.Y.: Routledge, 2004. 256 p.
- Bourke J.* Fear: A Cultural History. Emeryville: Shoemaker and Hoard, 2006. 500 p.
- Brennan T.* The Transmission of Affect. N.Y.: Cornell University Press, 2004. 227 p.
- Clough P.T.* The Affective Turn: Political Economy, Biomedicine, and Bodies // The Affect Theory Reader / Ed. by M. Gregg and G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 206-228.
- Cvetkovich A.* An Archive of Feelings: Trauma, Sexuality, and Lesbian Public Cultures. Raleigh, NC: Duke University Press, 2003. 354 p.
- Dixon T.* From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 287 p.
- Ekman P.* Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. 2-nd edition. N.Y.: Henry Holt and Company, 2007. 320 p.
- Emotions in American History: An International Assessment / Ed. by J.C.E. Gienow-Hetch. Oxford, N.Y.: Berghahn Books, 2010. 290 p.
- Eustace N.* Passion Is the Gale: Emotion, Power, and the Coming of the American Revolution. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 624 p.
- Gardner D.* The Science of Fear: How the Culture of Fear Manipulates Your Brain. L.: Plume, 2009. 368 p.
- Glassner B.* The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. N.Y.: Basic Books, 1999. 312 p.
- Handbook of Emotions. 3-d ed. / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. N.Y., L.: The Guilford Press, 2008. 848 p.
- Hemmings C.* Invoking Affect: Cultural Theory and the Ontological Turn // Cultural studies. 2005. Vol. 19. № 5. P. 548-567.

- Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / Ed. by I. McCalman, P.A. Pickering. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 272 p.
- Hoggett S.C.P., Thompson S. Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- James S. Passion and Action: The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. 318 p.
- Leys R. From Guilt to Shame: Auschwitz and after. Princeton: P.U.P., 2007. 200 p.
- Leys R. Turn to Affect: a Critic // Critical Inquiry 2011. Vol. 37. P. 434-472.
- Massumi B. Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear // Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 3-38.
- Massumi B. Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Duke University Press, 2002. 328 p.
- Neuman W.R., Marcus G.E., Crigler A.N., Mackuen M. Theorizing Affect's Effects // The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-20.
- Nussbaum M.C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton: Princeton University Press, 2004. 432 p.
- Nussbaum M.C. The Therapy of Desire: Theory and Practices in Hellenistic Ethics. Princeton: Princeton University Press, 2009. 600 p.
- Nussbaum M.C. Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 766 p.
- Oatley K. Emotions: A Brief History. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 190 p.
- Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 237-265.
- Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies / Ed. by S. Thompson, P. Hoggett. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 336 p.
- Reddy W.M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 327-351.
- Reddy W.M. Money and Liberty in Modern Europe: A Critique of Historical Understanding. New York: Cambridge University Press, 1987. 280 p.
- Reddy W.M. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Postrevolutionary France, 1815-1848. Berkeley: University of California Press, 1997. 292 p.
- Reddy W.M. The Making of Romantic Love: Longing and Sexuality in Europe, South Asia, and Japan, 900-1200 ce. University Of Chicago Press, 2012. 456 p.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 380 p.
- Revolt, Affect, Collectivity: The Unstable Boundaries of Kristeva's Polis / Ed. by T. Chanter and E.P. Ziarek. Albany: State University of New York Press, 2005. 217 p.
- Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 248 p.
- Scherer K.R. Unconscious Process in Emotion: The Bulk of the Iceberg // Emotion and Consciousness / Ed. by L. Feldman. N.Y.: The Guilford Press, 2007. P. 312-334.
- Sieigworth G. J., Gregg M. An Inventory of Shimmers // The Affect Theory Reader / Ed. by M. Gregg, G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 1-28.
- Stearns C.Z., Stearns P.N. Anger: The Struggle for Emotional Control in America's History. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. 304 p.

- Stearns P.* Jealousy: The Evolution of an Emotion in American History. New York: New York University Press, 1989. 225 p.
- Stearns P.N.* American Cool: Constructing a Twentieth-Century Emotional Style. New York: New York University Press, 1994. 378 p.
- Stearns P.N.* American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. N.Y., L.: Routledge, 2006. 243 p.
- Stearns P.N.* Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America. N.Y., L.: New York University Press, 2003. 251 p.
- Stearns P.N.* Battleground of Desire: The Struggle for Self-Control in Modern America. New York University Press, 1999. 400 p.
- Siegel M.* False Alarm: The Truth about the Epidemic of Fear. N.Y.: Wiley, 2005. 256 p.
- Stoler A.L.* Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Commonsense. Princeton: Princeton University Press, 2009. 306 p.
- The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. 453 p.
- The Affective Turn: Theorizing the Social / Ed. by P.T. Clough, J. Halley. Duke University Press, 2007. 328 p.
- Thompson J.* Performance Affects: Applied Theatre and the End of Effect. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. 205 p.
- Weart S.R.* Nuclear Fear: A History of Images. Harvard University Press, 1988. 552 p.
- Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / Под ред. М.Г. Муравьевой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011. 296 с.
- Винницкий И.* Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 441–460.
- Делез Ж.* Критика и клиника / Пер. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
- Крестева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.
- Нургалиева Л.В.* Эмоциональный интеллект или интеллектуальные эмоции? // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 80–90.
- Савельева И.М.* Исторические исследования в XXI в.: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 25–53.
- Савицкий Е.Е.* Удовольствие от прошлого и чувство свободы в историографии 1990-х гг. // Диалог со временем. 2005. № 15. С. 179–209.
- Сироткина И.Е.* Из истории одной психологической категории: музыкальные аффекты, чувства, эмоции // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 146–159.
- Хмельевская Ю.Ю.* «История эмоций» в современной историографической парадигме // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 452–461.

REFERENCES

- Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 256 p.
- An Emotional History of the United States / Ed. by P.N. Stearns and J. Lewis. N.Y., L.: New York University Press, 1998. 486 p.
- Apel D. War Culture and the Contest of Images. Rutgers University Press, 2012. 273 p.

- Berlant L. *Compassion: The Culture and Politics of an Emotion*. N.Y.: Routledge, 2004. 256 p.
- Bourke J. *Fear: A Cultural History*. Emeryville: Shoemaker and Hoard, 2006. 500 p.
- Brennan T. *The Transmission of Affect*. N.Y.: Cornell University Press, 2004. 227 p.
- Clough P.T. *The Affective Turn: Political Economy, Biomedicine, and Bodies // The Affect Theory Reader / Ed. by M. Gregg and G. Siegworth*. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 206-228.
- Cvetkovich A. *An Archive of Feelings: Trauma, Sexuality, and Lesbian Public Cultures*. Raleigh, NC: Duke University Press, 2003. 354 r.
- Dixon T. *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 287 p.
- Ekman P. *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. 2-nd edition. N.Y.: Henry Holt and Company, 2007. 320 p.
- Emotions in American History: An International Assessment / Ed. by J.C.E. Gienow-Hetch*. Oxford, N.Y.: Berghahn Books, 2010. 290 p.
- Eustace N. *Passion Is the Gale: Emotion, Power, and the Coming of the American Revolution*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 624 r.
- Gardner D. *The Science of Fear: How the Culture of Fear Manipulates Your Brain*. L.: Plume, 2009. 368 p.
- Glassner B. *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things*. N.Y.: Basic Books, 1999. 312 p.
- Handbook of Emotions*. 3-d ed. / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. N.Y., L.: The Guilford Press, 2008. 848 p.
- Hemmings C. *Invoking Affect: Cultural Theory and the Ontological Turn // Cultural Studies*. 2005. Vol. 19. № 5. R. 548-567.
- Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / Ed. by I. McCalman, P.A. Pickering*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 272 p.
- Hoggett S.C.P., Thompson S. *Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies*. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- James S. *Passion and Action: The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1997. 318 p.
- Leys R. *From Guilt to Shame: Auschwitz and after*. Princeton: P.U.P., 2007. 200 p.
- Leys R. *Turn to Affect: a Critic // Critical Inquiry* 2011. Vol. 37. P. 434-472.
- Massumi B. *Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear // Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 3-38.
- Massumi B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Duke University Press, 2002. 328 p.
- Neuman W.R., Marcus G.E., Crigler A.N., Mackuen M. *Theorizing Affect's Effects // The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman*. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. P. 1-20.
- Nussbaum M.C. *Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 432 p.
- Nussbaum M.C. *The Therapy of Desire: Theory and Practices in Hellenistic Ethics*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 600 r.
- Nussbaum M.C. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 766 r.
- Oatley K. *Emotions: A Brief History*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 190 p.

- Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // *History and Theory*. 2010. Vol. 49. P. 237-265.
- Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies / Ed. by S. Thompson, P. Hoggett. N.Y., L.: Bloomsbury Academic, 2012. 248 p.
- Politics of Everyday Fear / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 336 p.
- Reddy W.M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 327-351.
- Reddy W.M. Money and Liberty in Modern Europe: A Critique of Historical Understanding. New York: Cambridge University Press, 1987. 280 p.
- Reddy W.M. The Invisible Code: Honor and Sentiment in Postrevolutionary France, 1815–1848. Berkeley: University of California Press, 1997. 292 p.
- Reddy W.M. The Making of Romantic Love: Longing and Sexuality in Europe, South Asia, and Japan, 900-1200 ce. University Of Chicago Press, 2012. 456 p.
- Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2004. 380 p.
- Revolt, Affect, Collectivity: The Unstable Boundaries of Kristeva's Polis / Ed. by T. Chanter and E.P. Ziarek. Albany: State University of New York Press, 2005. 217 r.
- Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. 248 p.
- Scherer K.R. Unconscious Process in Emotion: The Bulk of the Iceberg // *Emotion and Consciousness* / Ed. by L. Feldman. N.Y.: The Guilford Press, 2007. R. 312-334.
- Seigworth G. J., Gregg M. An Inventory of Shimmers // *The Affect Theory Reader* / Ed. by M. Gregg, G. Siegworth. Durham, NC: Duke University Press, 2010. P. 1-28.
- Siegel M. False Alarm: The Truth about the Epidemic of Fear. N.Y.: Wiley, 2005. 256 p.
- Stearns C.Z., Stearns P.N. Anger: The Struggle for Emotional Control in America's History. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. 304 p.
- Stearns P. Jealousy: The Evolution of an Emotion in American History. New York: New York University Press, 1989. 225 r.
- Stearns P.N. American Cool: Constructing a Twentieth-Century Emotional Style. New York: New York University Press, 1994. 378 p.
- Stearns P.N. American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. N.Y., L.: Routledge, 2006. 243 p.
- Stearns P.N. Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America. N.Y., L.: New York University Press, 2003. 251 p.
- Stearns P.N. Battleground of Desire: The Struggle for Self-Control in Modern America. New York University Press, 1999. 400 p.
- Stoler A.L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Commonsense. Princeton: Princeton University Press, 2009. 306 p.
- The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed. by W.R. Neuman. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. 453 p.
- The Affective Turn: Theorizing the Social / Ed. by P.T. Clough, J. Halley. Duke University Press, 2007. 328 p.
- Thompson J. Performance Affects: Applied Theatre and the End of Effect. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. 205 p.
- Wearst S.R. Nuclear Fear: A History of Images. Harvard University Press, 1988. 552 p.
- Vina i pozor v kontekste stanoveniya sovremennykh evropeiskikh gosudarstv (XVI–XX vv.) / Pod red. M.G. Murav'voi. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta, 2011. 296 s.

- Vinnitskii I. Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na «emotsional'nom povorote» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117. S. 441-460.
- Delez Zh. Kritika i klinika / Per. O.E. Volchek i S.L. Fokina. SPb.: Machina, 2002. 240 s.
- Kristeva Yu. Sily uzhasa: esse ob otrrashchenii. SPb.: Aleteiya, 2003. 256 s.
- Nurgaliev L.V. Emotsional'nyi intellekt ili intellektual'nye emotsii? // Dia-log so vremenem. 2013. № 42. S. 80-90.
- Savel'eva I.M. Istoricheskie issledovaniya v XXI v.: teoreticheskii frontir // Dialog so vremenem. 2012. № 38. S. 25-53.
- Savitskii E.E. Udovol'stviye ot proshlogo i chuvstvo svobody v istoriografii 1990-kh gg. // Dialog so vremenem. 2005. № 15. S. 179-209.
- Sirotkina I.E. Iz istorii odnoi psikhologicheskoi kategorii: muzykal'nye af-fekty, chuvstva, emotsii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2009. T. 4. Vyp. 2. S. 146-159.
- Khmelevskaya Yu.Yu. «Istoriya emotsii» v sovremennoi istoriograficheskoi paradig-me // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoi. M.: LKI, 2011. S. 452-461.

Николаи Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fvnik@list.ru.

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; Annh1@yandex.ru.

History of Emotions and 'Affective Turn': Prospects of a Dialogue

The article is devoted to the argument concerning a new "emotional" and "affective" turn in modern humanitarian studies. The works of leading researchers of this area, such as T. Dixon, P. Stearns, M. Nussbaum, W. Reddy, B. Massumi, are being considered not only as interesting examples of the mentioned approach, but also as an attempt to overcome the opposition of emotional and rational thinking through the development of specific social and psychosomatic mechanisms of their interrelations. The relevance of this dialogue seems to be unquestionable as a way to update the terminology and conceptual apparatus of the history of mentalities, as well as to generally promote the public interest towards history. Besides, both the history of emotions and "affective turn" demonstrate the historical (and therefore inevitably limited) features of the psychological theories of personality of the 19th-20th cc. trying at the same time to outline the prospects of their development.

Keywords: History of Emotions, Affective turn, public opinions / feelings, emotives.

Feodor Nikolai, PhD in History, Associate Professor; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; fvnik@list.ru.

Anna Khazina, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of World History, Classics and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; Annh1@yandex.ru.